

ВЕРА ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА ДАШКОВА

Barbie

Дарбина ВЕЧЕР

ФАЛЬШИВАЯ ЖЕНА
ДЛЯ ПАПЫ

Ольга Дашкова

**Барби на вечер.
Фальшивая жена для папы**

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Барби на вечер. Фальшивая жена для папы / О. В. Дашкова —
«Автор», 2026

Привет, я Ксения Галкина, ходячая розовая катастрофа. Пришла на один день няней, а в итоге стала фальшивой женой самого сурового и анти-розового мужчины в городе. Его пятилетняя дочь Мила с первого взгляда назвала меня «настоящей Барби» и твердо решила: я теперь ее мама. А папа Никита внезапно предложил мне притвориться его женой на важном деловом приеме. Теперь мне приходится отбиваться от ехидной бывшей, терпеть маленькую сваху и главное, не влюбиться в того, кто два года запрещал себе улыбаться. Но сердце не слушается. А Мила уже составила план: «Папа и Барби должны жить вместе в розовом доме навсегда!»

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Барби в чужом доме	5
Глава 2. Розовое вторжение	8
Глава 3. Неделя испытательного срока	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вера Любимова, Ольга Дашкова

Барби на вечер. Фальшивая жена для папы

Глава 1. Барби в чужом доме

Я всегда знала, что розовый цвет – это не просто цвет. Это позиция.

Когда мир вокруг серый, как бетонная плита, розовый говорит: «Я здесь, и я не собираюсь прятаться».

Сегодня я повторяла эту мантру, сидя на заднем сиденье такси, которое везло меня в самый неромантичный особняк на окраине города. Пять тысяч рублей за один день няни.

Для меня это была целая зарплата официантки за неделю. А еще шанс хотя бы на сутки почувствовать себя нужной. Не «девушкой в розовом, которая раздает листовки в костюме клубники», а человеком, от которого зависит чье-то детское счастье.

Меня зовут Ксения Федоровна Галкина. Двадцать пять лет. Три курса колледжа по дизайну интерьеров, куча долгов, съемная комната на окраине и мечта, которая уже три года висит на мне, как старое розовое платье: открыть свой маленький магазинчик, где все будет блестеть, пахнуть ванилью и вызывать улыбку.

Пока вместо этого я подменяю подруг, когда у них температура под сорок. Полина вчера вечером написала мне в слезах: «Ксю, умоляю, выйди вместо меня няней на один день. Девочка пяти лет, папа бизнесмен, дом огромный, деньги хорошие».

Я согласилась. Потому что «один день» звучит безопасно. И потому что я до сих пор верю, что если очень ярко улыбаться жизни, она однажды улыбнется в ответ.

Такси остановилось у черных ворот, которые выглядели так, будто их поставили, чтобы отпугивать всех, кто не носит костюм за миллион. Я расплатилась, вышла и сразу почувствовала, как мой розовый сарафан с пышными рукавами и крупными локонами до пояса выглядит здесь... ну, как конфетка на похоронах.

– Ладно, Галкина, – пробормотала себе под нос, поправляя бант на сумке. – Ты не на кастинге в «Дом-2». Ты просто няня. На один день. Улыбайся и не вздумай красить что-нибудь в розовый.

Ворота бесшумно разъехались. Я шагнула вперед по идеально ровной дорожке и почувствовала, как сердце стучит чуть быстрее обычного. Дом был огромный, серо-графитовый, с большими окнами и такой строгой геометрией, что даже деревья вокруг казались выстроеными по линейке.

Ни одного цветного пятнышка. Даже клумбы были белые и серые. Я мысленно скривилась. *«Здесь явно кто-то боится эмоций».*

Дверь открыла женщина лет пятидесяти в строгом темном платье. Экономка, наверное. Она окинула меня быстрым взглядом, и я сразу прочитала в ее глазах: *«О боже, еще одна».*

– Ксения Федоровна Галкина? – уточнила она ровным голосом. – Проходите. Никита Олегович уже собирается уезжать, но успеет вас проинструктировать.

Холл встретил меня холодом и тишиной. Высокие потолки, темный паркет, минимум мебели, только то, что нужно. Ни одной фотографии на стенах, ни одной подушки, которая хотя бы намекала, что здесь живут люди, а не роботы.

Я невольно обняла свою сумочку. В ней лежали три блестящие заколки, пачка стикеров с единорогами и маленькая розовая расческа. На всякий случай.

И тут я услышала легкий, быстрый, радостный топот. По широкой лестнице сбегала маленькая девочка. Светлые волосы до плеч, огромные голубые глаза, белое платьице и такая искренняя, открытая улыбка, что у меня внутри сразу что-то щелкнуло.

Она замерла на последней ступеньке, посмотрела на меня, ее ротик открылся в идеальном «О».

– Огоооооооо! – выдохнула она на весь холл. – Настоящая Барби!

Я не смогла сдержать улыбку. Широкую, искреннюю, ту самую, которую я приберегала для детей и для тех редких моментов, когда жизнь вдруг становилась чуть легче.

– Привет, солнышко, – сказала мягко. – А ты, наверное, Мила?

Девочка кивнула так энергично, что волосы разлетелись во все стороны.

– Ты пришла ко мне в мамы? Да? – спросила она без тени сомнения.

Я присела на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне. Розовый подол моего платья красиво разложился вокруг как лепестки.

– Я пришла сегодня с тобой поиграть. Меня зовут Ксения. Но если хочешь – можешь звать меня Ксю.

– Нет, – уверенно заявила Мила и подошла ближе, коснувшись пальчиком моего рукава.

– Ты Барби. Настоящая. Смотри, какие волосы! И платье розовое! И туфельки! Папа, папа, иди скорее смотри!

Из бокового коридора вышел мужчина. Никита Олегович Исаев, подруга проинструктировала кого как зовут.

Я видела его всего секунду, но этого хватило, чтобы понять: этот мужчина привык, что мир подстраивается под него, а не наоборот. Высокий, широкоплечий, в темно-сером костюме, который сидел так идеально, будто его шили прямо на нем.

Короткая аккуратная борода, жесткая линия челюсти и глаза серо-зеленые, холодные, как зимнее море. Тридцать девять лет, вдовец, владелец крупной строительной компании. Полина предупреждала, что он «серьезный и немного жесткий». Она явно недооценила.

Он остановился в трех шагах от меня и медленно окинул взглядом. От розовых туфелек до банта на сумке. На его лице не дрогнул ни один мускул, но я буквально почувствовала, как в его голове прокручивается мысль: *«Что это за цирк?»*

– Вы – замена Полины? – спросил низким, ровным голосом, в котором не было ни капли тепла.

– Да. Ксения Галкина. Полина сильно заболела, попросила меня подменить на сегодня.

Он посмотрел на часы, потом на дочь. Мила уже вцепилась в мой подол обеими руками и смотрела так, будто я была новогодней елкой, которую внезапно принесли в июле.

– Папа, она красивая, да? Как Барби из мультика! Она будет моей мамой?

Никита Исаев кашлянул. Один раз. Коротко. Как будто пытался проглотить то, что хотел сказать на самом деле.

– Мила, мы уже говорили об этом много раз. У тебя есть я. И бабушка. Няня – это просто няня.

– Но она же розовая! – возразила девочка так логично и убедительно, что я едва не расмеялась в голос.

Я прикусила щеку изнутри, чтобы не улыбаться слишком широко. Никита Олегович бросил на меня быстрый, предупреждающий взгляд. Мол, не вздумайте поддерживать этот бред.

– Ксения Федоровна, – начал он сухо, обращаясь уже ко мне, – Миле пять лет. Она любит рисовать, играть в куклы и смотреть мультики про принцесс. Никаких сладостей после семи вечера, никаких страшных фильмов, никакого телевизора больше часа. И... – он снова скользнул взглядом по моему платью, – желательно без лишнего блеска и мишуры в доме.

Я кивнула, хотя внутри уже весело крутилась мысль: *«Слишком поздно, дядя. Я уже мысленно покрасила половину вашей детской в цвет «Розовая мечта»».*

– Поняла, – ответила спокойно. – Буду следовать всем правилам.

Никита присел перед дочерью, поправил ей выбившуюся прядь. В этом жесте было столько усталой нежности, что у меня внутри что-то дрогнуло. Я вдруг вспомнила, как сама

в пять лет мечтала о папе, который бы так же поправлял мне волосы перед тем, как уйти на работу.

– Папа вернется вечером, – сказал он мягче. – Будь хорошей девочкой.

– Я буду хорошей, – серьезно пообещала Мила, – если Барби останется навсегда.

Никита поднялся. Посмотрел на меня уже почти с жалостью. Как на человека, который только что добровольно зашел в клетку с тигром и еще улыбается.

– Если что-то пойдет не так – звоните. Номер экономки на холодильнике. Я постараюсь вернуться пораньше.

Он уже шел к двери, когда Мила вдруг громко и радостно крикнула ему вслед:

– Папа! Барби будет спать в твоей комнате?

Никита Исаев замер на пороге. Медленно, очень медленно обернулся. На его лице было написано такое искреннее, почти комичное страдание, что я не выдержала и тихо прыснула в кулак, прикрыв рот ладонью.

Он долго посмотрел на меня, в этом взгляде было все: и *«вы мне за это еще ответите»*, и *«как я вообще до этого дошел»*, и легкая искра чего-то, что я не смогла сразу прочесть.

– До вечера, – бросил он сухо и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим, но очень весомым щелчком.

Как только мы остались одни, Мила схватила меня за руку обеими ладошками и потащила вверх по лестнице с такой силой, будто боялась, что я исчезну.

– Пойдем! Я покажу тебе свою комнату! Там можно сделать розовый дворец! Ты же умеешь, да? Ты же Барби! У тебя даже имя красивое – Ксения! Как принцесса!

Я шла за ней, чувствуя, как на лице сама собой расплывается улыбка, которую я давно не дарила миру просто так. Мой розовый сарафан шуршал, а внутри уже крутилось легкое, теплое предвкушение.

«Один день, Галкина, – напомнила я себе. – Всего один день...»

Но уже знала: этот день только что официально перестал быть обычным.

Глава 2. Розовое вторжение

Следующие шесть часов пролетели как яркий, блестящий вихрь.

Мила оказалась настоящим маленьким ураганом. Мы успели превратить ее комнату в настоящий розовый дворец: расклеили по стенам стикеры с единорогами, повесили на люстру мой розовый шарф, сделали корону из фольги и даже немного «украсили» подоконник блестящими заколками.

Когда Мила увидела себя в зеркале в этой короне, она пискнула от восторга так громко, что экономка прибежала проверить, все ли в порядке.

К пяти часам мы уже пили «тайный чай» (с крошечной ложечкой меда, потому что «папа не разрешает сладкое после семи», но я решила, что один раз можно). Мила болтала без умолку: про садик, про то, что хочет щенка, и про то, как папа иногда грустит по ночам, но думает, что она не слышит.

В половине десятого я едва уложила ее спать, прочитав сказку «Золушка». Девочка уснула почти мгновенно, прижимая к себе новую корону и шепча: «Завтра Барби опять придет...»

Тихо прикрыла дверь детской и спустилась вниз. В доме было тихо. Только мягкий свет ночников и легкий розовый отблеск, который пробивался из коридора второго этажа. Я улыбнулась сама себе. Получилось красиво. Живо. Совсем не так серо, как было утром.

Я как раз собирала свои вещи в гостиной, когда услышала, как открылась входная дверь. Тяжелый, уверенный звук. Сердце сразу ухнуло вниз. Никита Олегович пришел.

Замерла посреди гостиной с сумкой в руках. Он вошел, снимая на ходу пиджак, и сразу почувствовал: что-то не так. Его взгляд медленно скользнул по лестнице, откуда все еще лился мягкий розовый свет, потом переместился на меня.

– Ксения Федоровна? – голос был низкий и очень спокойный. Слишком спокойный.

Он прошел дальше и остановился в арке гостиной. И вот тогда он увидел весь масштаб «вторжения».

На журнальном столике лежала моя розовая расческа и несколько стикеров с единорогами, которые Мила забыла убрать. На спинке дивана висел мой шарф, а на стене рядом с телевизором красовался большой блестящий стикер в виде короны, который мы «подарили» дому.

Никита медленно обвел все это взглядом. Его лицо оставалось почти неподвижным, но я видела, как напряглась челюсть.

– Что здесь произошло? – спросил тихо.

Я поправила сумочку и выпрямилась. Сердце колотилось, но отступить я не собиралась.

– Мы играли, – ответила спокойно. – Мила очень хотела розовый дворец. Она была счастлива весь день.

Мужчина сделал шаг ближе. Теперь между нами было всего пару метров.

– Я, кажется, очень четко сказал: без лишнего блеска и мишуры.

– Это не мишура, – парировала. – Это декор. И между прочим, очень качественный. Мила улыбалась. Она смеялась. Она говорила без остановки и ваша дочь действительно была счастлива.

Никита посмотрел на меня сверху вниз. В серо-зеленых глазах плескалось раздражение.

– Я плачу вам деньги не за то, чтобы вы превращали мой дом в филиал магазина игрушек. Я плачу за безопасность и соблюдение режима.

– Она была в полной безопасности, – я сделала шаг вперед, не отводя глаз. – А режим... одна ложечка меда в чай не считается преступлением. Это называется человеческое отношение, Никита Олегович.

Он сухо, коротко, без капли веселья усмехнулся.

– Вы всегда такая дерзкая с теми, кто вас нанимает?

– Только когда вижу, что взрослый мужчина боится розового цвета больше, чем потерять улыбку собственной дочери, – ответила не моргнув.

В гостиной повисла тяжелая тишина. Мы стояли лицом к лицу. Искры между нами летели такие, что воздух почти потрескивал. Он был зол. Я тоже. Но под этим гневом чувствовалось что-то еще – горячее, напряженное, почти электрическое.

Никита провел рукой по лицу, явно пытаясь взять себя в руки.

– Завтра все это, – он кивнул в сторону лестницы и блестящего стикера на стене, – должно исчезнуть. До моего прихода.

Я подняла подбородок.

– А если Мила расстроится? Она очень ждала, что я завтра снова приду.

Он помолчал несколько секунд. Потом тяжело выдохнул.

– Хорошо. Я беру вас на испытательный срок. На одну неделю, с завтрашнего дня. Но с условием: никаких радикальных изменений в доме без моего разрешения. И никаких «тайных» ложечек меда.

– Договорились, – я не смогла сдержать легкую победную улыбку.

Никита посмотрел на меня еще пару секунд. В его взгляде промелькнуло что-то странное – смесь раздражения и... любопытства?

– Мой водитель отвезет вас домой, – сказал наконец. – Уже поздно.

– Не нужно, я могу вызвать такси...

– Он уже ждет у ворот, – перебил он тоном, не терпящим возражений.

Я кивнула. Спорить дальше не имело смысла. Пока я собирала свои вещи, Никита стоял в стороне, молча наблюдая. Когда я уже направилась к выходу, он вдруг тихо сказал:

– Ксения, – я обернулась. – Спасибо, что Мила сегодня улыбалась.

Слова были сказаны очень тихо, почти неохотно. Но они были. Я почувствовала, как внутри стало теплее.

– Пожалуйста, – ответила мягче. – Спокойной ночи, Никита Олегович.

На улице меня уже ждал черный мерседес с тонированными стеклами. Водитель, молчаливый мужчина открыл мне дверь, не сказав ни слова. Я села на заднее сиденье и устало откинулась на спинку.

Машина плавно тронулась. За окном проплывали темные улицы, а я смотрела на свои руки и вспоминала, как несколько часов назад Мила соединяла наши ладони с Никитой.

«Одна неделя, Галкина, – подумала, глядя в окно. – Всего одна неделя...и? Что дальше? Ты хочешь быть няне? Да, почему бы и нет, хочу!»

Глава 3. Неделя испытательного срока

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.